

СЕРГЕЙ ХАРИТОНОВ

САДОВОДЫ

Сергей Витальевич Харитонов

Садоводы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57135025

Садоводы / Харитонов Сергей Витальевич: Эдитус; Москва; 2020

ISBN 978-5-00149-381-5

Аннотация

В новой книге Сергея Харитонова опубликовано две повести разных жанров: документальная – «Ловля рыбы в мутной воде», в которой описаны события начала девяностых годов глазами группы молодых друзей-москвичей, и приключенческая повесть «Садоводы».

Содержание

Рецензия на книгу Сергея Харитонова «Садоводы»	4
Садоводы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

САДОВОДЫ

**Харитонов Сергей
Витальевич
Садоводы**

Рецензия на книгу Сергея Харитонova «Садоводы»

Детективно-мистический триллер с весьма прозаичным, очень спокойным названием «Садоводы». Скажу честно, прочитав название я настроилась на спокойный лад, ну что особенного может быть у садовода? Черенки, лопаты, шесть соток... Ничто не предвещало столь бурного и необычного развития сюжета и произошедших в дальнейшем событий. И, казалось бы, чем может быть опасен бюст вождя мирового пролетариата, найденный на участке. Покупка участка –

дело редкое, но весьма обыденное, впрочем, как и выборы председателя. Однако автор, Сергей Харитонов, так лихо закрутил сюжет, что от моего настроения на размеренный лад ничего не осталось. Словно гончая, застыла я в напряжении, следя за действиями героев. Желание тихонько полежать на диване с книжкой в руках улетучилось напрочь! Буквально с пятой страницы повести я была уже там, с ними, я сопереживала по очереди каждому из персонажей, даже несчастному бюсту Ильича. «Скорее, скорее», – торопила я толи себя, толи героев. Мне не терпелось поскорее узнать, чем кончится дело и кто же те злодеи, которые посмели украсть... Впрочем, не буду раскрывать карты раньше времени и любезно оставлю эту интригу для читателя.

Что хочется сказать об авторе? Произведения Сергея Харитонова весьма неординарны, в этом вы можете убедиться сами, прочитав лежащую перед вами книгу «Садоводы», которая состоит из двух повестей. Про первую я уже сказала выше. Вторая же, «Ловля рыбы в мутной воде», будто бы принадлежит перу другого, не менее талантливого автора. Она написана совершенно в другом ключе, в другом стиле и даже другим языком. Что является положительным моментом и дает возможность читателю ощутить дух другой эпохи и других событий. С ироничной легкостью рассказывает автор о временах лихих, когда большинству жилось не просто.

Так удивительно совпало, что события, происходящие с молодыми людьми, героями второй повести, попадают во

временной промежуток, когда наша страна переживала кризис. То же самое происходит у нас и сейчас. Но время сильно разнится тем, что многие из нас тогда жили ожиданием новой, интересной жизни, впереди видели большие перспективы. Сейчас же многие впадают в уныние, накопилась усталость от бесплодного ожидания. И тут книга Сергея Харитоновна подоспела как нельзя более кстати. Четыре друга, молодые специалисты, недавние выпускники, попадая в сложные жизненные коллизии и ситуации, заражают читателя своим оптимизмом и жизнелюбием. А что еще более важно: поступки героев повести помогают понять, что материальные ценности, блага и богатство – это не самое главное в жизни любого человека. Главное – прислушиваться к голосу своего сердца, поступать порядочно, и чтобы рядом всегда было крепкое плечо друга и поддержка близких людей.

15.05.2020 г. – член Союза Литераторов России Оксана Радионова

Садоводы

Все персонажи и события, описанные в данном повествовании, вымышлены, любые совпадения с реальными людьми случайны и непреднамеренны.

Товарищество садовое было ничем не примечательно и не отличалось от десятков тысяч таких же садоводств, раскиданных по стране. Не числилось среди его членов ни генералов, ни чиновников ранга крупного, потому и не было вокруг территории товарищества забора монументального, несокрушимого, а будь тот забор – и не случилось бы всей этой истории, которую долго ещё будут пересказывать по окрестным деревням и посёлкам.

* * *

Председатель был таким, каким и должен быть стандартный председатель стандартного рядового садоводческого товарищества – в меру честный, в меру вороватый, не переходящий границ дозволенного в своей председательской деятельности. На ежегодных собраниях, что по осени в любом дачном кооперативе проводятся, конечно же, всегда находились крикуны недовольные, смутьяны вечные, но их бес-

почвенные обвинения разбивались о скалу холодной логики бухгалтерской отчётности, разбираться в тонкостях которой никто не желал.

Потому ежегодные собрания ежегодно же заканчивались одобрением деятельности правления и перевыбором его в прежнем составе на новый срок. И домик Председателя так же ежегодно подрастал, потихоньку наползая на прилегающие ничейные земли, числящиеся по бумагам в нераспределённой собственности дачного кооператива. Но вскоре та нераспределённая собственность закончилась, забор председателя участка вплотную приблизился к внешнему забору товарищества. И стал тот забор в страхе, видимо, периодически самопроизвольно отодвигаться вглубь леса. Мистику эту соседи (все сплошь члены правления, кстати), конечно же, замечали и для единообразия тоже сдвигали свои глухие и высокие заборы. А по тамошним улочкам и тупичкам бегали здоровущие собаки, охранявшие на дальних подступах владения своих хозяев.

Вообще же, тот край товарищества пользовался недоброй славой по причине непонятной. Согласитесь, не могут же пара белых швейцарских овчарок и три добермана, иногда вдруг выскакивающих через приоткрытую калитку (ну забыл хозяин закрыть, с кем не бывает), реально напугать кого-то.

– Да вы не бойтесь, они не кусаются, – обычно успокаивали случайно зашедшего дачника, оттаскивая рвущегося и

рычащего пса от прохожего.

Покусанных и вправду было немного – три-четыре человека за пару лет, а потом и вовсе не стало этого, после того, как остальные садоводы, не проживавшие на этих улицах, там гулять перестали. В общем, действительно, мистическое местечко.

* * *

Примерно за десять лет до этого. 1985 год. Москва. Актовый зал Министерства.

Гул стоит в зале, но гул спокойный, не такой нервно-истерический, в крик переходящий, как в недавнем нашумевшем фильме «Гараж». Оно и понятно, собрались коллеги участки дачные делить...

Поначалу-то особо желающих и не было на те участки – слишком далеко от города, да и транспорта общественного нет, кроме автобуса, что два раза в сутки километрах в трёх от будущих дач останавливается. Так те километры надо не только пройти с поклажей всякой, но и втиснуться потом в автобус этот, под завязку забитый такими же энтузиастами. Правда, если повезёт, можно договориться с соседями, машины имеющими, но таких счастливиц было в те времена слишком мало, и вывезти всех желающих они не могли.

Однако, несмотря на все трудности предстоящие, через год почти на все участки желающие нашлись, и было создано

собрание для жеребьёвки и распределения участков. Члены правления, понятно, в жеребьёвке не участвовали и выбрали участок себе, кто какой захотел. Председатель скромничать не стал и записал за собой шесть соток на самой окраине товарищества у пруда, на опушке леса, вплотную подступившего к забору.

* * *

Наше время.

Каждый, кто вступал на территорию СНТ, проходя через калитку рядом с воротами главного входа, сразу же попадал под пристальный прищур бюстика Ленина, гипсовая голова которого стояла у крыльца сторожки рядом с собачьей будкой.

Садоводы между собой шутили, что их охраняют сразу три специалиста – сторож вечно пьяный, пёс приبلудный, лающий на всё, что мимо движется, и молчаливый Ильич.

* * *

В июне рабочие, делавшие фундамент под очередную то ли баньку, то ли сарайчик (хозяин сам ещё не решил, что строить будет), как обычно, предварительно перенесли забор метров на пять-семь вглубь леса (по технике безопасности

же банька должна от дома подальше стоять) и принялись котлован рыть. Расчистили полянку вначале, пни выкорчевали, кустарник вырубил, и к обеду лопаты вонзились в землю. Но две лопаты неожиданно скрежетнули, на камень наткнувшись, попробовали копнуть чуть подальше – тоже камень. Совсем далеко отошли, та же история. А на другой стороне полянки расчищенной – никаких камней. Может, там фундамент делать?

Позвали хозяина.

– Нет, – говорит хозяин, – здесь фундамент должен быть, нельзя смещать. Эстетики не будет. Банька не может стоять криво относительно дома.

– Добавить бы надо за работу такую, мы булыжники не договаривались из земли вытаскивать.

– Не переживайте, копайте, – Председатель отвечает.

Опять вонзились лопаты, но теперь аккуратно, на ощупь, определяя границы камня. И к вечеру раскопали кладку старинную.

На глубине примерно полметра расчистили кирпичную крышу тоннеля, уходящего вглубь леса. Причём чем дальше в лес, тем глубже под землю уходил тоннель. Метров через десять совсем глубоко в землю зарылась та крыша. Бросили копать. Стали рыть в другую сторону, к дому.

Кирпичная стена теперь с каждым метром вырастала из земли. Копали быстро, и уже не только из-за обещанной председателем прибавки, но и интерес первооткрывателя эн-

тузиазм добавлял. Когда контуры строения стали ясны, все перешли к месту, где должен быть торец и, соответственно, вход, и там вгрызлись в землю. Однако тут разочарование постигло – вход был наглухо завален обрушившимся дверным проёмом. Да и темно уже стало, к тому же дождик начал накрапывать, а где-то за лесом погромыхивала приближающаяся гроза.

– Всё, мужики! Хватит на сегодня, – бригадир прислонил лопату к стене тоннеля и направился к дому...

В недавно построенном сарайчике, где жили рабочие, Председатель устроил ужин торжественный, благо и повод был – день рождения у бригадира завтра.

Водка, из холодильника принесённая, на столе потеет, колбасы краковской круги аромат сказочный источают. В углу на столике маленьком – плитка электрическая, сковорода на ней размера «чтоб на всех хватило», и шкворчит там яичница на сале с картошкой молодой, кругляшами порезанной, да с помидорами свежими, тоже на кружочки разделанными да обжаренными предварительно. И сверху лучком зелёным, мелко нашинкованным, всё присыпано.

А за окном гроза бушует, град в стёкла лупит. И от погоды такой ещё вкуснее водка с угощением кажутся. Наломались работяги за день, жадно на стол посматривают, но без бригадировой команды не подходят. А тот колдует над яичницей, никого не замечая.

– Слышь, бугор! Давай уже, пора.

– Ещё пару минут потерпите.

– Да нету сил совсем, давай хоть по одной, для разгону.

– Ну всё, всё, несу. Место там освободите.

Вмиг расчистили место, и сковорода с шипящей и пузырящейся яичницей плюхнулась на стол.

И одновременно водка по стаканам разлилась волшебным образом – вот только что пусто было и бутылки все стояли запечатанные, а уже полетела в угол первая из них, опустевшая. Примета есть такая, что пустых бутылок на столе быть не должно, иначе жизнь не сложится и будет пусто в кошельке. Потому и летят бутылки опорожненные прочь со стола. Строго примета та соблюдается по всей стране, во всех компаниях: работяги ли соберутся в вагончике строительном водкой палёной из ближайшего ларька получку обмыть, или в зале дорогущего мишленовского ресторана топ-менеджеры сделку удачную празднуют, опуская под стол опустевшие бутылки из-под тысячекбовского вискаря. Примета везде соблюдается неукоснительно.

Праздник начался. Такой праздник, который явно не предусматривал работу на следующее утро.

Председатель людей понимал – на завтра выходной объявил.

Утром, когда солнышко рассеяло туман ночной, он с лопатой один вышел из дома и направился к месту вчерашних раскопок, к заваленному входу, поглядел на груды кирпичей, лопату отбросил за ненадобностью. Рукавицы брезен-

товые натянул и разбирать завал принялся. Через пару часов непривычный к таким нагрузкам организм отозвался болью в спине. Ещё через час было принято стратегическое решение – разбор завала прекратить, бригаду быстро рассчитать и, вызвав автобус, отправить немедленно по домам – нечего им тут ошиваться, вдруг там, в тоннеле этом, что-то интересное спрятано. Потому бригаду, в раскопках участвовавшую, немедленно отправить на их далёкую родину и денег дать, не жадничая, чтобы всю дорогу до дома пили они без продыха, до умопомрачения, до потери памяти. Приехал через несколько часов вызванный автобус, у знакомых заказанный. Получил водитель указание строгое – всех по домам развести, каждого в его глухую деревеньку в Западной Украине доставить и на руки родным сдать под расписку, мол, прибыл благоверный домой и семья претензий не имеет.

А на обратной дороге водитель те расписки завести и отдать должен Председателю в обмен на премию размера небывалого.

Потому с энтузиазмом поручение исполнилось.

Так, теперь надо позвонить знакомому барыге – работоторговцу, уже не первый год поставлявшему председателю рабочих для стройки, и заказать у него новых работяг.

* * *

Завершилось собрание. Все под протоколом подписались.

Без скандалов обошлось. Расходились коллеги по домам, только теперь по-настоящему осознавая, во что они ввязались...

Жизнь пошла хлопотная и дорогая – всё время требовалось сдавать деньги на целевые взносы. То на дорогу, то на забор, на электричество опять же – а как без него? Ещё Ленин великий говорил, что «нам электричество пахать и сеять будет», только не уточнял, заботливый, что проводить то самое электричество придётся за свой счёт и очень большие подарки нужным людям в Облэнерго. Поначалу-то пытались без подарков, но проект никак не согласовывался, а пахать и сеять очень всем хотелось именно с помощью электричества, да и воду из недр качать тоже без него не ясно как. Вот и собрали очередной целевой взнос «На подарок». Председатель циферку округлил чуть, строго по правилам математики, конечно же, и к моменту, когда на проекте появился заветный штампик «УТВЕРЖДАЮ», шлёпнутый поверх красивой витиеватой подписи, забор опять самопроизвольно передвинулся к лесу, освобождая место под баньку новую, которую рабочие и начали поутру собирать.

* * *

Начать решено было с забора, увеличив его высоту до такой степени, чтобы взгляды любопытные не мешали тихой семейной жизни.

Новая бригада приехала в тот же день, к работе приступила споро, и уже к следующему вечеру забор был наращён по всему периметру участка, закрывая от любопытных глаз всё происходящее. Председатель бригаду рассчитал, не затягивая, и незадолго до заката тачку взял и пошёл с ней в лес, к месту, где был заваленный выход из тоннеля. Самому, без посторонних, всё же хотелось разобрать завал и глянуть, что там.

Работать решил без стахановского героизма, помня о больной спине, и через четыре дня, к вечеру пятого, уже в сумерках смог на коленках протиснуться внутрь. Полностью завал разбирать он не собирался, наоборот, как осмотрит там всё, назад надо завалить кирпичом битым вход. Но это потом, а сейчас кабель электрический сюда от дома кинуть и переносок побольше по стенам развесить – темно в том тоннеле, два метра от входа отошёл – и всё, руки вытянутой не видно. Только на полу слева у стены белеет что-то. Выполз Председатель назад на улицу, домой сбегал. Притащил из подвала много лет там валявшуюся со времён начала строительства бухту кабеля. Уж и не думал, что пригодится когда-либо. Жена, изредка в подвал спускаясь, всё порывалась кабель тот выкинуть, мол, порядок навести пора, что хлам всякий хранить?!

Вот как мозги женские устроены – не понимают они, что в хозяйстве любая вещь может пригодиться рано или поздно. Несколько раз до скандалов доходило, особенно когда её

мама, осчастливившая всех приездом своим, на третий день пребывания зачем-то полезла в подвал, там упала и разбила себе коленку, запутавшись в кабеле, лежавшем тихо и спокойно возле лестницы и никому до той поры не мешавшем.

В яростном приступе наведения порядка жена председателя ворвалась тогда на территорию, до тех пор находившуюся под полным контролем её мужа, и принялась выбрасывать всё, что, по её мнению, было не нужно и лежало не на месте. Однако кабель – виновник всего скандала – был слишком тяжёл, чудом уцелел, и потому через десять минут тоннель был электрифицирован, согласно заветам вождя мирового пролетариата.

Нечто, таинственно белевшее на полу у стены, оказалось гипсовым бюстом того самого вождя, стоящим носом к стенке. Причём в отличие от обычных болванчиков, миллионами стоявших по всяким местам бескрайней страны, этот был поверх гипса покрыт эмалевой краской, немного потрескавшейся от времени.

Присел Председатель на корточки рядом с головой вождя, перевернул бюст лицом к себе и произнёс, обращаясь к нему: «Ну что, привет, Владимир Ильич. Давно сюда спрятался? Не скучаешь тут один?» Однако ответа не дождался от собеседника своего, молча щурившегося при ярком свете сто-ваттной переноски, и тогда щёлкнул его по носу, по голове постучал костяшками пальцев, и показалось ему, что звук от стука того какой-то гулкий, как будто пустота внутри была.

– Чушь какая, – помотал головой Председатель. – Откуда там пустота? Не может быть гипсовый болванчик внутри пустым!

Ильич получил ещё несколько щелчков по лысине, но зашумевший снаружи дождь не дал толком прислушаться.

Сверкнула молния, и Председатель поспешил к дому, отложив дальнейший осмотр до утра.

* * *

В эти же дни на соседнем участке тоже была суета – внуки с дочкой должны были приехать через две недели. Дочка жила с ними в Швейцарии в доме своего немецкого мужа, в Россию приезжала редко, но несколько недель летом, во время каникул, обязательно проводила пару недель на даче у родителей, радуя их общением с подростками внуками. Муж обычно не приезжал, ссылаясь на занятость на работе. А может, просто хотел отдохнуть от семьи, от вечного гомона и хаоса, который создавали три гиперактивных отпрыска. Немецкий педантизм и любовь к Ordnung у них полностью отсутствовали. Ну, не передалось, зато мамина непоседливость и любознательность вместе с неиссякаемой энергией присутствовали на все сто процентов. Кстати, как Анне в этом году удалось уговорить своего вечно занятого Gemahl поехать вместе с семьёй в Russland – так и осталось загадкой. Но в результате ожидаемый приезд строгого немецкого зятя

создал незапланированные хлопоты.

К визиту столь важного гостя нужно было подготовиться особо, чтобы не ударить лицом в грязь, что было весьма затруднительно, поскольку на участке Елены и Александра стоял обычный деревенский сруб с удобствами во дворе, а вода в уличном ручейнике была только холодная, да и то если её туда наливали, натащав из колодца.

Потому, когда Анна позвонила и сообщила, что в этот раз они приедут вместе с Паулем, у Елены случился небольшой приступ паники, который, правда, быстро погасил её непробиваемо спокойный муж Александр.

Тут же сели разрабатывать план мероприятий по приведению их избушки к европейскому стандарту жизни.

Главная проблема – это туалет. Повсеместно появившихся в последующие годы септиков тогда ещё не было, а стоящий в отдалении на участке домик над выгребной ямой никак не мог соответствовать высоким требованиям зятя к гигиене, родившегося и выросшего в другом мире.

Спасительная мысль пришла Елене – поставить там обычный унитаз и подвести воду. Александр ходил к соседу – Председателю товарищества, за высоким глухим забором которого стройка не прекращалась уже многие годы. Визит был успешным, и полученные знания по организации водоснабжения позволили быстро воплотить идею жены в жизнь. Председатель с радостью поделился своим строительным опытом, а в конце разговора, узнав, для чего столь спеш-

но проводятся работы, предложил свой огромный джип и себя в качестве шофёра для поездок с гостями по окрестностям, когда им наскучит сидеть на одном месте.

Через несколько дней в деревянном домике на новом линолеуме, покрывшем дощатый пол, появилось ослепительно белое фаянсовое импортное чудо, пугающее своей неожиданной красотой в таком месте. Соседи, созданные на открытие обновлённого евросортира, были единодушны – годится!

Итак, бытовые проблемы были решены, и встал вопрос культурного досуга. С детьми всё было понятно – либо купание, либо в лес по ягоды/грибы. Им это всегда нравилось. Таинственность не вычищенного, как в Германии и Швейцарии, а первозданного леса, с буреломом, зарослями дикой малины и кустами орешника манила и притягивала молодое европейское поколение.

А как развлекать Пауля?

Что может быть интересно в России приехавшему сюда второй раз в жизни европейцу?

Древние монастыри и церкви – это то, что в советское время демонстрировал зарубежным гостям «Интурист».

Но в радиусе пятидесяти километров от СНТ был только один заброшенный монастырь и пара полуразвалившихся деревенских церквушек. Этого хватило бы дня на два-три, ещё день посвятить совместному походу на озеро и катанию там на лодке, день на традиционный шашлык, а как дальше развлекать дорогого гостя – было непонятно. Помогли сосе-

ди – они тоже не любили сидеть на месте и в первый же год, как построили себе домик, объездили и изучили все окрестные достопримечательности.

За лесом, километрах в пяти от дач, в большом селе Грачёвка была картинная галерея, где выставлялись местные художники, а рядом на территории, огороженной остатками не до конца развалившегося чугунного забора, сохранилась усадьба какого-то графа, в которой работал очень миленький музей с прекрасными старушками в каждом зале-комнате, которые сами были похожи на выставочные экспонаты.

– А какой там экскурсовод! Просто артист! Не рассказывает, а спектакль разыгрывает! – рассказывала соседка, сидя вечером на улице с бокалом красного вина рядом с мангалом, в котором прогоревшие к тому времени угли, лишь изредка краснея от дуновения ветра, чуть-чуть подогревали остатки шашлыка.

– Обязательно отвезите туда ваших немцев. Интересно будет всем. Там, как это ни странно, хорошая коллекция старинной посуды, и одежды, и оружия.

Так и составила общими усилиями культурная программа визита.

Можно было приступать к третьему, самому понятному этапу подготовки – генеральному клинингу дома и всего участка. Через неделю был достигнут такой уровень стерильности, который не в каждой больнице встретишь.

И ведь повезло – погода стояла как на заказ – никаких

нудных обложных дождей, после которых любовно подстриженная лужайка превращается в болото.

* * *

Утром Председатель первым делом слегка расширил проход в тоннель (не ползать же каждый раз на карачках) – часа полтора тяжёлого труда, так, что спина опять заболела, зато в результате стало можно пройти внутрь почти свободно, лишь слегка пригнувшись, забравшись на вершину кучи из битого кирпича, под самым потолком. Затем перетащил ко входу собачью будку, раньше стоявшую недалеко от калитки, и привязал там на цепь огромную овчарку.

И только после этого, включив освещение, занялся детальным осмотром всего освещённого переноской пространства. Не найдя ничего интересного, кроме маленькой тележки на металлических, изъеденных ржавчиной колёсах, он взял запасённый мощный фонарь, каску строительную на голову надел и двинулся вперёд в темноту тоннеля.

Идти было трудно, под ногами то и дело попадались куски кирпичей, вывалившихся из сводчатого потолка. Минут через десять дорога упёрлась в завал непроходимый – полностью обвалившийся потолок и часть стен не давали никакой возможности двигаться дальше.

Председатель попробовал пошевелить несколько кирпичей, однако обвал, произошедший, видимо, совсем давно,

спрессовал всю эту кучу, превратившуюся со временем в монолит несокрушимый.

Прохода не было, пришлось повернуть назад.

Вздыхнул Председатель разочарованно и пошёл обратно, придумывая по дороге, как можно использовать в хозяйстве столь неожиданную находку.

* * *

Первые несколько дней после приезда гостей прошли в радостной суматохе. Прекрасная погода не давала скучать – купание, грибы/ягоды, велосипеды, опять купание. Время пролетало незаметно. А на пятый день из тёмной тучи, с вечера ещё над лесом нависшей, полилось... И лилось без остановки неделю.

Ограниченные пространством небольшого домика гости через несколько дней скисли.

– Давайте поедem сегодня по музеям!!! – преувеличенно бодро предложила в очередное дождливое утро Анна. – Вы же говорили, что тут есть несколько интересных музеев.

Радости большой это предложение не вызвало, но, за неимением лучшего, было принято.

Александр пошёл заводить старенький «опель».

Однако у «опеля» было своё мнение насчёт поездки в дождь. Пожужжал он стартером и затих. Ещё раз пожужжал и опять затих. На третий раз даже жужжать не стал.

С улицы из-за забора раздался голос Председателя:

– Что, сосед, ехать куда-то собрался?

– Да вот, гостей по музеям местным прокатить решили, а машина забастовала.

– Так давай на моей поедем, все поместимся, не мучайся.

Я же тебе давно предлагал.

– Ну, спасибо. Выручил, а то они совсем загрустили, дома сидючи.

Кухня-столовая.

Стол обеденный с остатками завтрака.

Семья в окна с грустью смотрит на «опель», стоящий с капотом открытым.

Понимают – не поедут никуда сегодня и опять весь день дома сидеть придётся.

Дверь входная открылась – довольный Александр с видом победителя в проёме появился и, не заходя, отрубил, отрезал, скомандовал: «Пять минут на сборы – и едем, время пошло».

Пауль хоть по-русски и не понимал, но командирские интонации в голосе уловил.

Потому, когда Анна ему перевела, слегка смягчив формулировку, встал и, скомандовав детям, чтобы те быстрее собирались, направился к двери.

Недолгой была поездка, минут через двадцать джип огромный у бревенчатого домика в конце главной улицы в Грачёвке затормозил, свернул с шоссе на крохотную парков-

ку. Указатель на въезде предупреждал, что парковка только для посетителей Грачёвской картинной галереи, и содержал изображение эвакуатора – мол, остальных увезём немедленно. Приученный к выполнению закона Пауль с сомнением посмотрел на знак запрещающий, жене на него показал. Анна в ответ рукой махнула и успокоила мужа – нам можно.

– Да и вообще, здесь Россия, а не Германия. Расслабься.

Округа огласилась гортанной немецкой речью, которую здесь не слышали с сорок первого года прошлого века. Дети, правда, перемешивали немецкий с французским. Удивлённый прибытием таких необычных посетителей на крыльцо вышел, застёгивая на ходу пиджак, директор галереи, он же сторож, он же экскурсовод.

Дверь пошире открыл, рукой жест приглашающий изобразил.

Не стал никто под дождём задерживаться. Председатель, поколебавшись, тоже вошёл.

Галерея состояла в основном из местных пейзажей. Походили, посмотрели. Через пять минут заскучили. Тут-то и попалась Председателю на глаза картинка незамысловатая – лес осенний. Полянка, на полянке странное сооружение из кирпича со сводчатой крышей. Стены кустами малины прикрыты. Вход – ворота запертые.

– Что это, где это? – вопрос экскурсоводу очень громко прозвучал в тишине пустынных комнат. Все подошли. И на картину уставились – вдруг это шедевр затерянный обнару-

жился кисти мастера великого.

Присмотрелись – нет, не похоже на шедевр. Да и подпись в углу «Ник. Афонин» на шедевр не претендовала.

Директор-экскурсовод тоже подошёл, глянул:

– Картина нашего известного художника, много раз побеждавшего на районных конкурсах. Изображён на ней двор усадьбы бывшего графа здешнего. Вон там, через дорогу, правее, вход. Музей там сейчас. Интересный, кстати, сходите.

На том и закончилась экскурсия по галерее.

Пересекли шоссе пустынное и через ворота старинные, чугунные попали на территорию усадьбы графской, которая встретила посетителей четырьмя лозунгами на фасаде огромного барского дома-дворца: красное полотнище с буквами жёлтыми «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», а под ним чёрное полотнище с буквами белыми «Анархия – мать порядка» и ниже, помельче «Собственность – это кража», и ещё ниже «Свобода или смерть».

Выщербленные и потрескавшиеся от времени мраморные ступени вели к огромным входным дверям графского дворца. Справа и слева от ступенек – площадки, тоже мраморные, на одной из них лев каменный, на другой – пулемёт «максим», очень на настоящий похожий.

Рванули дети к нему. Оседлали. Облепили. Да и взрослые с интересом разглядывали, а Пауль взялся за рукоятки и, что-то бормоча по-немецки, прищурился, да сквозь про-

резь в щитке прицелился и поводит стволом из стороны в сторону.

Тут-то двери и растворились, и на крыльцо вышел человек в кителе офицерском времён Первой мировой войны. Каблуками щёлкнул, головой кивнул. Представился:

– Смотритель музея, Андрей Евгеньевич.

Пауль, испугавшись, что Ordnung нарушил, руки от пулемёта отдернул и вопрос жене: «Кто это, полиция? Что, нельзя трогать?»

Успокоила его Анна. А дети, не обращая внимания, продолжали осматривать музейный экспонат, лопоча по привычке сразу на двух языках – немецком и французском.

Увидев замешательство Пауля, Андрей Евгеньевич сначала на немецком, потом на французском сказал, что беспокоиться не стоит – пулемёт (вернее, его точная копия) для того и стоит здесь, чтобы посетители могли сразу окунуться в атмосферу начала прошлого века.

А дальше незаметно и ненавязчиво началась экскурсия, похожая на представление в театре. Необычность музея заключалась ещё и в том, что здесь напрочь отсутствовали таблички «Не трогать». Все экспонаты можно было трогать, на креслах и стульях сидеть, а когда дошли до парадной столовой, две очень милые пожилые горничные в белых кружевных фартучках предложили гостям чаю, мгновенно выставив на стол прекрасный сервиз.

– Степан! – крикнула куда-то вглубь дома одна из горнич-

ных.

В дверях появился Степан – сапоги гармошкой, рубаха белая навывпуск, ремешком плетёным подпоясанная, бородища седая, а в руках самовар сияющий, баранок связка на шее висит. Минуту спустя раздалось цокающее шлёпанье когтистых лап, и вслед за Степаном появилось два огромных дога – чёрный и белый, ростом походившие на пони.

Водрузил Степан самовар на стол, баранки на тарелку выложил, с верёвки не снимая, и скрылся бесшумно.

Все замерли.

Горничные подошли и ласково потрепали по спинам огромных собак.

– Не бойтесь, они не кусаются.

– А мы и не боимся, они же, наверное, просто сразу целиком проглатывают, не разжёвывая, – пошутил Председатель.

– По-разному бывает, – ответила одна из горничных и сделала строгое лицо.

В зал вошёл Андрей Евгеньевич.

– Прошу чайку нашего отведать, да с бараночками, повар только утром испёк.

Горничные принялись разливать чай по чашкам. Анна мужу перевела, а дети, не дожидаясь перевода, враз за баранками потянулись. Доги подошли к столу и положили морды на скатерть с двух сторон от Председателя.

– Это что ещё такое? Идите на место! – цыкнули на них горничные. – Вот попрошайки! Любят еду у гостей выпра-

шивать.

Доги послушно прошлёпали к стене и улеглись там друг напротив друга, картинно повернув головы.

Председатель от чая отказался и, встав со стула, к Андрею Евгеньевичу подошёл.

– Там, в той комнате, где мы только что были, картина на стене висит интересная. Точно такую же видели в галерее, что напротив музея вашего.

– О, раз уж вы обратили внимание, расскажу вам легенду этого поместья, – и, повернувшись к остальным посетителям, за столом сидящим и уплетающим баранки с чаем, громко хлопнул в ладоши: – Господа, приятного аппетита! Прошу внимания! Сейчас я поведаю вам старинную легенду этого поместья. Надеюсь, мой рассказ не помешает вам насладиться предложенным угощением.

– Только говорите небыстро, чтобы я успевала мужу переводить, – попросила Анна.

– Конечно. Как вы, наверное, знаете, почти двести лет назад в самом начале девятнадцатого века армия Наполеона напала на Российскую Империю и через несколько месяцев дошла до Москвы, захватив её.

Замолчал Андрей Евгеньевич, давая время Анне перевести. Пауль кивнул и, когда вслед за Андреем Евгеньевичем замолчала и Анна, сказал: «Bitte weiter».

– Ну вот, захватить-то они её захватили, да удержать не смогли, и через несколько месяцев вынуждены были отсту-

пить. Но за эти месяцы французы город разграбили, забрав всё, что им ценным казалось. Во время отступления обоз, состоявший из более чем двухсот повозок, исчез и до западной границы так и не добрался.

Куда делся тот знаменитый золотой обоз – так и неизвестно, но несколько повозок было брошено по какой-то причине здесь в лесу, недалеко от этой усадьбы, в которой во время оккупации разместился штаб генерала Лефевра Денуэта, командовавшего кавалерийской бригадой, прикрывавшей отход Великой Армии. Вскоре после ухода французов барин вернулся из своего дальнего поместья, где прятался от басурман. Возвращался он с отрядом верных слуг, которых вооружил по военному времени. И вот, на глухой лесной дороге (идти по большому тракту они боялись, чтобы не наткнуться на французов) во время стоянки наткнулись они на спрятанные в кустах повозки, гружёные золотой посудой. Находку отвезли в усадьбу и выгрузили в главном барском доме, где мы с вами сейчас и находимся. Вот за этим столом (Андрей Евгеньевич торжественно взмахнул руками) в последующие сто лет по праздникам обеды подавали на том самом золотом сервизе.

– И где он теперь, сервиз этот? – не выдержал Председатель.

– Не торопитесь, впереди нас ждёт самая интересная часть легенды.

Все притихли, даже чашки отодвинули.

А Андрей Евгеньевич замолчал, выдерживая паузу, как настоящий актёр перед развязкой. Руки за спину заложил и прошёлся вокруг стола. Остановился за спинами Председателя и сидевших рядом с ним детей, постоял и продолжил рассказ:

– Через сто с небольшим лет случилась осенью в Российской Империи революция, и через пару недель после того как в Санкт-Петербурге власть перешла в руки рабочих и крестьян, известие об этом достигло графской усадьбы. Новости принёс сводный отряд красногвардейцев и анархистов (их лозунги вы над главным входом видели). Несколько дней тут командовали, но ничего разгромить и разграбить не успели, кроме запасов коньяка коллекционного. Эти-то самые запасы и спасли имение от немедленного и тотального разграбления. Упились так, что когда на следующий день вечером в имении появился офицерский отряд, шедший на Украину, их приняли, как родных, поделились патронами и оружием. Офицеры, надо отдать им должное, не стали долго выяснять, кто на чьей стороне воюет. Оружие с патронами погрузили на телеги и дальше пошли своей дорогой. С ними же ушёл и молодой граф, оставив вместо себя верного надёжного управляющего.

Управляющий хорошо разбирался в текущем моменте и понял, что власть ещё не раз поменяется, и реквизиции рано или поздно не избежать. Потому велел кузнецу местному немедленно переплавить весь сервиз золотой, отлив из него

бюст вождя большевистского. Ночь не спали кузнец с управляющим. И когда бюст остыл, самолично обмазали его сломом гипса, а сверху, для сохранности, краской эмалевой покрыли. После этого из гипса ещё пять точно таких же бюстов сделали. Ну вот. Вечером следующего дня, когда работы были закончены, спрятал все бюсты в погребе, что во дворе, вот тот самый погреб и изображён на картине.

Тут дети радостно затараторили сразу на всех известных им языках:

– А вдруг они там и сейчас стоят? Смотрели? И один из них из чистого золота? Вот здорово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.